

Никита Михалков.

„Советское кино“ 1967, № марта.

ХОРОШО, ЧТО МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ

Популярная песенка «А я иду, шагаю по Москве» звучит буквально повсюду: радио, телевидение, эстрада... И каждый раз, когда я слышу ее, мне вспоминаются озорные глаза первого исполнителя этой песни — молодого актера Никиты Михалкова. После этой картины я еще раз видела Михалкова в фильме «Переключка», где он создал совсем другой, но не менее запоминающийся образ.

Мне было бы очень интересно побольше узнать об этом актере.

Студентка Л. КАНДАКОВА.

ВЛАДИВОСТОК.

Исполняя просьбу нашей читательницы, сценарист и режиссер фильма «Переключка» Д. Храбровицкий рассказывает о своей работе с Никитой Михалковым.

ИСТОРИЯ танкиста Сергея Бородина давно не давала мне покоя. Я не выдумал ее. Она как-то сложилась сама собой из обрывков разных других историй. Время от времени я рассказывал ее своим друзьям, всякий раз прибавляя новые подробности и детали. Однажды сценарист Будимир Метальников попросил меня подарить ему эту историю, и я почти что уже подарил, но потом передумал и сказал, что запишу ее сам. Метальников не поверил — слишком уж долго я ее «носил». И мы договорились с ним, если в течение полугода лет не будет написан сценарий о Бородине, история о нем передается Метальникову.

Меня останавливало одно — я как-то не видел актера, соединяющего в себе непосредственность молодости и зрелый ум бывалого воина, рано повзрослевшего на войне, и ту несколько раскованную современность манер, которая сроднит и сделает понятным парня времен войны сегодняшним юношам и девушкам. И пока я не встретил такого актера, не имело смысла все это затевать.

Как-то — это было в Ташкенте, где мы гостили у узбекских кинематографистов — из-за какого-то пустяка я крепко повздорил с режиссером Георгием Данелия. Мы разошлись весьма недовольные друг другом и условились dospo-

рить через полтора часа, после киносеанса. В зале погас свет, и началась картина «Я шагаю по Москве», которую я почему-то не успел посмотреть в Москве. Этот фильм доставил мне много радости. Я сейчас не буду останавливаться на его достоинствах, о которых много написано и которые не вызывают сомнений. Главное состояло в том, что я увидел Никиту Михалкова. Разумеется, по окончании фильма мы с Данелия уже забыли о нашем споре, разговор шел о картине и об актерах. Меня просто поразил Михалков. Для этого человека природа оказалась необычайно щедрой, дав ему все — и удивительно мужское, а не сладенькое, обаяние, и ум, и острое ощущение правды, и ту свободу поведения перед объективом камеры, которая и по сей день представляется мне почти уникальной.

Работая над сценарием «Переключка», я все время видел перед собой Бородина — Михалкова. До этого мы уже познакомились с ним, он был посвящен во все замыслы и планы, отказывался от других ролей и ждал.

Однако мои товарищи, с которыми предстояло работать над фильмом, далеко не разделяли моего энтузиазма и, если можно так выразиться, моей «влюбленности» в этого актера.

Когда начались актерские про-

бы, мои товарищи настаивали пригласить на эту роль еще двух-трех неплохих актеров, но я был уверен и утвердил Михалкова без проб. Но так как его многочисленным партнерам пришлось «пробоваться», а Михалкову подыгрывать им, то у него в отличие от остальных вышло около десяти кинопроб. И каждый раз, в зависимости от партнера, он вносил что-то новое, неожиданное и во время съемок я ловил себя на том, что не слежу за его партнерами, а смотрю только на него, и это доставляет мне удовольствие.

Мы снимали в разных городах, в различных обстоятельствах. И эта заметка получилась бы чрезвычайно длинной, если бы я стал сейчас подробно рассказывать, как все это происходило. Поэтому я позволю себе ограничиться несколькими наиболее характерными моментами.

Уже первые репетиции показали, что Никита относится к тому типу актеров, которым бесполезно рассказывать или показывать, его можно только подвести к «зерну» того или иного куска, он должен осмыслить, понять его сам, дойти какими-то своими собственными сложными ходами, только тогда он делает по-настоящему. Порой это бывал долгий и мучительный путь преодоления самого себя, и репетиции выливались в споры, которые заканчивались далеко за пол-

ночь, чтобы возобновиться с рассветом. Он умеет много и самоотверженно работать, ему хочется все сделать самому, ничего не передоверяя дублерам. Во время съемок в Самарканде, в эпизоде, который, кстати говоря, вылетел из фильма при монтаже, он настоял на том, чтобы на общем плане в стычке с патрулями снимали его. А так как патрули были солдатами, а не актерами, Михалков требовал, чтобы все происходило «по-настоящему». Какой-то удар оказался лишним, Михалков повредил глаз, и пришлось остановить съемки, пока он ходил с накладкой. В городе, где снималась история танка, он научился водить танк, пользоваться рапией, он до того вжился в своего Бородина, что его дважды останавливали на улице офицеры, выговаривая за промасленную и просоленную от пога гимнастерку, которая, возможно, была уместна в дни войны, но нетерпима сегодня. И они всякий раз удивлялись, узнавая, что это актер, а не танкист.

Мне хотелось бы сказать еще об одной очень дорогой и редкой черте Михалкова. Меньше всего он заботился о том, как будет выглядеть сам в той или другой сцене: насколько он ближе к камере, чем партнер, боком ли его снимают или спиной. Он думал прежде всего о всей картине, являясь в полном смысле нашим товарищем. Он никогда не вел себя как премьер,

хотя играл центральную роль, ради которой и был написан сценарий.

Он безразлично и даже с охотой брался за любую работу. Однажды я застал его с топором — он помогал плотникам сооружать караульную будку. В другой раз он вызвался вместо пиротехника имитировать пожар в подбитом танке. Для этого нужно было внутри идущего на большой скорости танка поджечь черную дымовую шашку и выбросить ее на броню. Поджечь он ее сумел, но шашка почему-то упала под ноги, и Никита вылез из танка, чихая и кашляя, покрытый плотным слоем сажи, в сопровождении таких же черных и чертыхающихся танкистов.

Все имеет конец. Подошла к концу и работа над «Переключкой». Мы с Никитой расстались друзьями, и каждый раз я вспоминаю о работе с ним, как о чем-то очень хорошем.

Я ревниво слежу за его судьбой. Вот он снялся в фильме «Не самый удачный день», и я так волновался перед премьерой, как будто это был мой собственный фильм. Вот меня встретил один из преподавателей ВГИКа, где Никита учится сейчас на третьем курсе режиссерского факультета, и бросил мне на ходу: «Твой Никита молодец», и я поймал себя на мысли о том, что это сообщение доставило мне огромное удовольствие.

Я пытался набросать творческий портрет, а в результате получилось нечто сумбурное и сугубо личное. Очевидно, ничего не поделаешь — в наших симпатиях и антипатиях мы в первую очередь субъективны. Однако у меня нет никаких сомнений — у Никиты все еще впереди, и, чем бы он ни занимался в жизни — будет ли он и дальше сниматься или сосредоточится на режиссуре, — все получится, не может не получиться. Потому что у него есть главное — талант, ум, самоотверженность и трудолюбие.

Д. ХРАБРОВИЦКИЙ.

